

Павел Нилин

ВХОДИТ В КАЖДЫЙ ДОМ

«Души прекрасные порывы» — эти пушкинские слова точнее определяют то, что называется поэзией и что в конечном счете устойчиво отделяет нас от остального животного мира, возвышая и окрыляя в самом волшебном и фантастическом смысле.

В мире, однако, распространено ошибочное представление, что поэзия и стихосложение почти одно и то же.

На самом деле это совсем не так.

Высокое чувство поэзии может быть иной раз приуще в большей степени так называемым простым, даже не очень грамотным людям, чем профессиональным и даже известным стихотворцам.

Нет особого открытия и в том, что нередко писатели, пишущие прозой, больше поэты по самой сути своих сочинений, чем те, что старательно нанизывают рифмованные строчки.

Поэзия величественно и величаво способна входить и входит в каждый дом, касается сердца каждого из людей, наполняя нас предчувствием чего-то неожиданно чудесного, равного надежде на счастье, на бессмертие жизни.

Что касается меня, то в мою жизнь поэзия вошла раньше, чем я узнал, что она называется поэзией. Она вошла, как, вероятно, и в сознание всех других землян, вместе с песенкой матери у моей колыбели и не угаснет у борта могилы.

Василий Белов

ПОЭЗИЯ НЕОБЪЯСНИМА

Беззастенчивость посещает нас не только во время общения с людьми. Фамильярность наша в отношениях, к примеру, с природой не знает границ. Но идеи и понятия страдают от бестактного поведения не меньше, чем материальная среда нашего обитания. Они как бы замыкаются в себе, когда натываются на самонадеянное нахальство рационалистического ума, словно бы стыдясь своих извечных, но затасканных нами названий.

Разве не это произошло, например, с ЛЮБОВЬЮ? Вырванное из тройственного сочетания, ставшее предметом массового пользования, слово это пытается (как мне кажется, пока без успеха) освободиться от навязанного ему сексуального значения.

ПОЭЗИЯ оказалась, на мой взгляд, более удачное сопротивление опустошающему натиску рационализма. Структуралисты и прочие «исты» не отступают от ПОЭЗИИ, пытаются снизить ее до их собственного

уровня, сузить понятие, а затем и вовсе свести на нет.

Даже одежда у человека бывает будничная и праздничная. Отчего же бы не иметь нам и праздничных высочайших понятий? Почему бы раз и навсегда не освободить ПОЭЗИЮ от позорного для нее соседства с версификаторством?

К счастью, ОНА живет не только в стихах. Может быть, в музыке ее еще больше? Кто знает. Мне кажется, что ОНА могла бы одухотворять не одно лишь искусство, но и физический труд, и науку, и семейные отношения...

Но моим понятиям ПОЭЗИЯ необъяснима. Она исчезает, как только мы начинаем дотошничать в ее изучении, раскладывать ее по косточкам либо навязывать ей что-то из других духовных категорий.

Не знаю, для чего она существует. В одном уверен: вовсе не для того, чтобы рассуждать о ней...

Сергей Антонов

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Помню, в начале писательства мне никак не удавалось изобразить влюбленную пару так, как я желал. Лирический рассказ был почти готов в уме, а нужная фраза не давалась. На вид дело было простое: влюбленный парень идет с девочкой-дойаркой под ручку — только и всего. Парень влюблен по уши. Держит он свою зазнобушку крепко, шагает неловко согнувшись к ее плечу. И вот — эта простая картинка не получалась. Чем выше залетало воображение, тем косолапее выходила фраза.

Примерно в это время мне пришлось ненадолго поехать в деревню (кажется, за материалом для очерка об объединении колхозов). Там я случайно услышал частушку. Первые строчки ее были такие:

Парень девуку провожал,
Туго под руку держал...

Это-то коротенькое слово «туго» я и не мог поймать, когда возился над рассказом. Понадобились годы, чтобы понять, что одной из ступеней нашего